

“M

аленькие трагедии», в цикл которых входит и пьеса «Пир во время чумы» — творческая переделка трагедии английского драматурга Дж. Вильсона «Чумный город», А.С. Пушкин написал в Болдинскую осень 1830 года.

В пьесе Вильсона насчитывается тринадцать сцен. Пушкин, убрав второстепенные детали, взял лишь одну сцену: «Улица. Накрытый стол. Несколько пирующих мужчин и женщин». Герои пьесы поминают усопшего друга, вспоминают времена, когда «процветала в мире наша сторона», слушают жалобную песню Мери об опустевших церкви, школе, селенье и о кладбище, куда «поминутно мертвых носят». Кругом страх, плач над мертвыми телами: лишь одна улица веселится, собравшиеся за столом слушают гимн в честь чумы, сочиненный Председателем. Старый священник заклинает прервать чудовищный безбожный пир «средь ужаса плачевых похорон» и разойтись по своим домам. Ему возражает Председатель, утверждающий, что «юность любит радость», и просит старика оставить его. Священник уходит, и пир продолжается.

В пьесе Вильсона рассказывалось о чуме, поразившей Лондон в 1665 году, во время которой

умерло приблизительно около ста тысяч человек, или двадцать процентов горожан. Подробности этой трагедии Пушкин знал и по книге Даниеля Дефо «История великой лондонской чумы 1665 г.», имевшейся в его библиотеке. Выбор сюжета был не случаен: южные губернии России поразила эпидемия холеры. И докатилась она до Москвы.

Александр Сергеевич Пушкин поехал в Болдино по хозяйственным делам. В июле 1830 года отец Сергей Львович выделил сыну в связи с его решением жениться на Наталье Николаевне Гончаровой часть земель, которые с 1619 года принадлежали дворянскому роду Пушкиных.

По ревизии 1794 года в Болдине числилось 243 дома и 2720 жителей. Пушкиным принадлежало и соседнее с Болдино небольшое сельцо Кистеневка (или Кистенево). Как установил А.И. Звездин, автор книги «О Болдинском имении А.С. Пушкина в Нижегородской губернии и о пребывании в нем поэта в 1830-х годах», изданной в Нижнем Новгороде в 1912 году, по седьмой ревизии 1817 года в Кистеневе проживали 429 крестьян мужского пола и 45 дворовых. По Клировой ведомости болдинской церкви за 1830 год, к приходу которой относилось и Кистенево, в деревне числилось 119 крестьянских дворов. К приезду поэта там проживали 485 мужчин и 500 женщин. Еще в трех дворах жили дворовые люди — десять мужчин и восемь женщин. В трех солдатских дворах числились шесть мужчин, детей, подростков и двадцать две женщины.

Пушкин увековечил Кистенево в русской литературе. Нижегородского помещика Андрея Гавриловича Дубровского — литературного героя будущего романа «Дубровский» — поэт «поселит» со своими дворовыми в Кистеневке.

Для того, чтобы обрести права на выделенную часть Кистеневки, Пушкину необходимо было отправиться в Болдино и оформить надлежащие бумаги.

Незадолго перед поездкой в Нижегородскую губернию, где находилось Болдино, Александру Сергеевичу исполнился тридцать один год. Позади помолвка, впереди свадьба и... скора с матерью невесты Натальей Ивановной Гончаровой. Будущая теща резко отзывалась о зяте, обвинив его во всех грехах: «и не чиновен, и не богат, и не религиозен, и не серьезен, и не пользуется доверием у царя, и еще тысячи разных «и». К тому же, у Пушкиных и Гончаровых одни долги. Не о таком муже для дочери мечтала Наталья Ивановна.

«Я уезжаю, рассорившись с г-жой Гончаровой. На следующий день после бала она устроила мне самую нелепую сцену, какую только можно себе представить. Она наговорила мне таких вещей, которых я, по чести, не мог терпеть. Не знаю еще, расстроилась ли моя женитьба, но повод для этого налицо, и я оставил дверь открытой настежь. Мне не хотелось говорить об этом с князем [Вяземским. — Н.Б.], скажите ему сами, и оба сохраните это в тайне. Ах, что за проклятая штука счастье! Прощайте, милая княгиня! Напишите мне словечко в Лукоянов в село Болдино», — писал Пушкин своему другу-утешителю Вере Федоровне Вяземской, княгине, жене Петра Андреевича Вяземского, литературного критика, историка, близкого друга.

Летом 1830 года Вяземская с детьми проживала в Подмосковье, в усадьбе Остафьево, которое для поэта было «святынищем русской истории», где двенадцать лет жил и работал над «Историей государства Российского» Николай Михайлович Карамзин.

В свой первый приезд Пушкин пробыл в Остафьево с 1 по 5 июня 1830 года. Пушкинисты полагают, что в тот приезд поэта в Остафьево, видимо, обсуждался вопрос о предстоящей свадьбе Александра Сергеевича и Натальи Николаевны. Об этом свидетельствует письмо князя П.А. Вяземского жене, в котором он спрашивает ее: «Что Пушкин?.. когда свадьба и где? У нас ли в Остафьеве?»

Наталье Николаевне Гончаровой в те же дни Пушкин писал: «Я уезжаю в Нижний, не зная, что меня ждет в будущем. Если ваша матушка решила расторгнуть нашу по-

мolvку, а вы решили повиноваться ей, — я подпишусь под всеми предлогами, какие ей угодно будет выставить, даже если они будут так же основательны, как сцена, устроенная ею мне вчера, и как оскорблении, которыми ей угодно меня осыпать.

Быть может, она права, а не прав был я, на мгновение поверив, что счастье создано для меня. Во всяком случае, вы совершенно свободны; что же касается меня, то заверяю вас честным словом, что буду принадлежать только вам, или никогда не женюсь».

Размолвка произошла 27 августа 1830 года (все даты по старому стилю. — Н.Б.) на улице Никитской в московском доме Гончаровых, где отмечались именины Натальи Nikolaevны и ее матери Натальи Ивановны.

За неделю до именин, 20 августа 1830 года, скоропостижно умер дядя поэта Василий Львович Пушкин, старший брат отца Сергея Львовича. В семье Пушкиных траур. Свадьба поэта висит буквально на волоске.

Поэт уезжает из Москвы в Болдино 31 августа 1830 года. Ранее Пушкин не бывал в Нижегородской губернии. Правда, однажды, в мае 1826 года, в письме князю П.А. Вяземскому поэт вспомнил «про болдинскую вотчину»: «Письмо это тебе вручит очень милая и добрая девушка... Приюти ее в Москве и дай ей денег, сколько ей понадобится, а потом отправь в Болдино, в мою вотчину, где водятся курицы, петухи и медведи...»

Пушкин поехал в Болдино, когда кругом уже говорили о холере. Князю П.А. Вяземскому из полученных писем уже было известно, что холера подходила к Москве. Пушкин рассказывал, как Вяземский сам показал письмо, в котором ему писали о холере, уже «перелетевшей» из Астраханской губернии в Саратовскую.

«Из некоторых губерний приходят к нам сюда довольно печальные известия... «cholera morbus делает в них свои опустошения, — писал князь П.А. Вяземский 2 сентября 1830 года из Остафьева Елизавете Михайловне Хитрово, дочери генерал-фельдмаршала М.И. Кутузова. — Но не беспокойтесь: это не в той стороне, куда уехал Пушкин».

Утешение, которое сделал П.А. Вяземский в конце письма для Е.М. Хитрово, было не совсем искренним: Петр Андреевич знал, что смертоносное и крайне опасное заболевание уже пришло в южные губернии России. Пришло оно из Азии и уже угрожает Москве.

Это была первая в истории России вспышка холеры — самого смертоносного в XIX веке инфекционного заболевания. Холера, как писали современники Пушкина, пришла с берегов Ганга. Болезнь была занесена из Индии в Среднюю Азию, попала в Хиву и Бухару. Через Киргиз-Кайсацкую степь с караванами азиатских купцов в сентябре 1829 года холера достигла Оренбурга.

В 1830 году началась вторая волна эпидемии: опасная болезнь пришла из Персии в Тифлис, а затем в Астрахань. Попытки сдержать распространение инфекции путем введения карантина (запрета на передвижение) привели к «холерным бунтам».

В тревожные сентябрьские дни 1830 года ни Вяземский, ни Пушкин, никто еще не знал, что по официальным данным из 466457 заболевших в России холерой умрет 197069 человек. В 1830–1831 годах холера проникнет в тридцать одну губернию России и расползется по всей Европе: сначала поразит Польшу, затем Пруссию и Францию.

Пушкина, когда он ехал в зараженный холерой край, судьба уберегла. Спустя год, в заметке «О холере» поэт рассказал, как он лично столкнулся с эпидемией: «По всему видно было, что она не минует и Нижегородской (о Москве мы еще не беспокоились). Я поехал с равнодушием, коим был обязан пребыванию между азиатцами [в Закавказье, во время путешествия в Арзрум, в 1829 г. — Н.Б.]. Они не боятся чумы, полагаясь на судьбу и на известные предосторожности, а в моем воображении холера относилась к чуме, как элегия к дифирамбу». В Арзруме, писал Пушкин, «я отправился с лекарем в лагерь, где находились зачумленные». Приехав в лагерь, поэт не сошел

Евгений Муковнин. Пушкин в Болдино

с лошади. Из предосторожности стал по ветру: «Из палатки вывели нам больного; он был чрезвычайно бледен и шатался, как пьяный. Другой больной лежал без памяти. Осмотрев чумного и обещав несчастному скорое выздоровление, я обратил внимание на двух турков, которые выводили его под руки, раздевали, щупали, как будто чума была не что иное, как насморк». На базаре Пушкин встретил нищего: «Он был бледен как смерть: из красных загноенных глаз его текли слезы». Мысль о чуме опять мелькнула в воображении поэта. От декабриста П. Коновницына поэт узнал, что в Азрзуме чума. Пушкину представились ужасы карантина, и он решил оставить армию графа Паскевича, с которым простился 19 июля 1829 года. Спустя год Пушкин все же окажется в карантинном плена.

«Сейчас еду в Нижний, то есть в Лукоянов, в село Болдино», — писал Пушкин своему другу и издателю Петру Александровичу Плетневу.

Поэт ехал в Болдино не один: в дороге его сопровождал слуга Никита Тимофеевич Козлов, который был старше барина на двадцать один год. Родом он был из села Большое Болдино, его приставили «дядькой-воспитателем» к маленькому Саше Пушкину. И с той поры Козлов не бывал в Болдине.

Пушкин ехал в Болдино и надеялся управиться с делами за месяц. Поэт провел четверо суток в дороге: она показалась ему длинной. Сначала поехал по печально известному стариинному Владимирскому тракту, по которому отправляли осужденных на каторгу в Сибирь. За Богородском (ныне Ногинск. — Н.Б.) проехал деревню Платова Московской губернии, далее были — Покров, деревня Липино, село Дмитриевское.

За Владимиром поэт приказал кучеру повернуть коляску на Судогду. Ехал через Мошок, Драчево, Муром.

Пушкин с интересом рассматривал Муром, его церкви, улицы, старинные купеческие дома, торговые ряды. В памяти всплывали рассказы его бабушки по материинской линии Марии Алексеевны Ганнибал о дремучих Муромских лесах, среди которых она жила в молодости. С этим городом связана судьба и родного деда поэта Осипа Абрамовича Ганнибала, сына знаменитого Арапа Петра Великого — Абрама Петровича Ганнибала. Осип Абрамович переехал из Тамбовской губернии в Муром Нижегородской губернии в 1773 году, вскоре после женитьбы на Марии Алексеевне. Осип Абрамович и Мария Алексеевна Ганнибалы прожили в Муроме около двух лет. Их

дочери, Надежде Осиповне Ганнибал, родившейся 21 июня 1775 года, суждено было стать матерью поэта.

Оказавшись впервые в Муроме, Пушкин не мог не вспомнить своих именитых предков, рассказы про Муромские леса.

Проехав через последнюю почтовую станцию Савастлейку (так именовалась она в подорожных XIX столетия, хотя в письмах Пушкин называет ее Сиваслейкой. — Н.Б.), затем Арзамас, Пушкин встретил торгашей, бежавших от холеры с Макарьевской ярмарки. «Бедная ярманка! — писал поэт. — Она бежала, как пойманная воровка, разбросав половину своих товаров, не успев пересчитать свои барыши!»

После Арзамаса Пушкин повернулся на Лукоянов — небольшой уездный городишко. Здесь заканчивалась его подорожная. Далее надо было добираться на вольных. Пока Никита Козлов договаривался о лошадях, Пушкин заглянул в гостиницу Агеева, пожалуй, самое бойкое место в Лукоянове. Для проезжающих хозяин устраивал «горячие бани», на первом этаже в трактире у самовара постоянные гости вели оживленные разговоры, слушали мелодии из «Аскольдовой могилы», доносились из музыкальной машины...

Третьего сентября 1830 года, преодолев на лошадях последние из пятисот верст, Пушкин въехал в Болдино, не подозревая, что застрянет в нем до самой зимы. Болдино оказалось со всех сторон в карантинном оцеплении: в течение трех месяцев невозможно было проехать ни по одной из дорог, ведущих в Москву.

Но это было потом, а пока поэт, впервые посетивший Болдино, осматривал имение, принадлежавшее его отцу. Оно состояло из старинного одноэтажного деревенского дедовского дома, вотчинной конторы, церкви и длинной деревни с избами, крытыми соломой и тесом. В окрестностях небольшой пруд, склонившиеся над водой серебристые ивы, Кистеневская роща и черноземная степь.

Отец Пушкина никогда подолгу здесь не жил, приезжал редко, на самое короткое время. Известны два его посещения Болдино — в 1825 и в 1836 годах. Управление имением он доверил своему крепостному Михаилу Калашникову. Барская усадьба с годами пришла в запустение. «Господский дом деревянный, сада нет», — из описания села Болдино, составленного в 1798 году.

Пушкин поселился в старом дедовском доме. В первые дни поэту пришлось все же вникать в деловые бумаги. Но вскоре они ему наскутили, и он поручил вести дела вотчинному писарю Петру Кирееву, который и занялся сочинением бумаг на «высочайшее имя». В этом деле он был посильнее Александра Сергеевича. Бумаги персыдались в Сергачский уездный суд, из них следовало, о чем «просит дворянин коллежский секретарь Александр Сергеев сын Пушкин, а о чем тому следуют пункты». А пункт в этих бумагах был всего лишь один. Пушкин просит суд ввести его «во владение двумя сотнями душ „мужеска“ пола «с женами их и рожденными от них после 7-й ревизии обоего пола детьми, и со всеми их семействами... с пашенною и непашенною землею, с лесы, с сенными покосы, с крестьянским строением и заведениями, с хлебом наличным и в земле посевенным, скотом, птицы».

В конце прошения рукою Пушкина приписано несколько строк: «Прощение сие верю подать, по оному хождение иметь и подлинную запись получить, человеку моему Петру Кирееву».

В письме Н.Н. Гончаровой от 9 сентября 1830 года Пушкин писал: «Я думал, что земля, которую отец дал мне, составляет отдельное имение, но, оказывается, это — часть деревни из 500 душ, и нужно произвести раздел».

В упомянутой выше книге А.И. Звездина «О Болдинском имении А.С. Пушкина в Нижегородской губернии...» говорилось: «Сельцо Кистенево (Темяшево тож), соседнее с Болдиным, в пограничном Сергачском уезде, при реке Чеке, впадающей в Пьяну, расположено улицами, которые носили особые названия: Самодуровка, Кривулица, Стрелецкая и Бунтовка. Уже наружный вид построек в 1830 году ясно говорил

постороннему взору, что кистеневские крестьяне жили в большой нужде, черно и грязно. Только 1/4 часть крестьянских домов были крыты тесом на два ската и топились «по-белому», а остальные 3/4 представляли из себя подслеповатые курные избенки, крытые соломой...» Вот таким был свадебный подарок отца поэта.

Пока Петр Киреев писал, ездил, хлопотал, коллежский секретарь Александр Пушкин жил в доме, читал, писал письма невесте, друзьям, сочинял сказки, встречался с крестьянами. Поэта позвали, когда в Болдине скоропостижно умер мальчик. По воспоминаниям одного из болдинских крестьян, Александр Сергеевич «приходил и спрашивал, как и отчего умер, и сказал, что не от холеры».

Село, встревоженное слухами о холере, попросило Пушкина разъяснить им предписания правительства, как уберечься от страшной болезни: что означает «не выходить на улицу босиком, иметь в доме редьку и вино», прислушиваться, нет ли «беспрерывного урчания в животе». Пушкин прочитал мужикам в церкви, с амвона «проповедь о холере», использовав информацию в своих целях: «И холера послана вам, братцы, что вы оброка не платите, пьянясьте. А если вы будете продолжать так, то вас будут сечь». Мужики-то газет не читали и не понимали, что происходит, и потому верили молодому барину.

Народ с тревогой наблюдал, как на дорогах Нижегородской губернии, в том числе и вокруг Болдина, по распоряжению нижегородского губернатора устанавливают карантинные посты: военные на дорогах останавливают. Мужики напуганы: помнят прежние карантины.

Правда, Пушкин считал, что установленные карантины представляли собою только «средство к притеснению и причины к общему неудовольствию». Первая такая застава находилась в двадцати верстах на север от Болдина.

Узнав из писем, полученных в Болдине 29 сентября 1830 года от Петра Плетнева и Натальи Гончаровой, что холера уже в Москве, поэт решается ехать в «белокаменную». 23 сентября под редакцией историка, писателя и публициста Михаила Погодина вышел первый номер официального бюллетеня «Ведомость о состоянии города Москвы», прозванный в народе «холерной газетой» или «холерным листком». Распоряжение об издании подписал московский военный генерал-губернатор князь Д. В. Голицын.

Бюллетень издавался «для сообщения обывателям верных сведений о состоянии города, столь необходимых в настоящее время, и для пресечения ложных и неосновательных слухов, кои производят безвременный страх и уныние» и раздавался бесплатно. В качестве приложения рассыпался и подписчикам вместе с газетой «Московские ведомости». В бюллетене печатали «официальные известия о приключившихся внезапных болезнях и смертях; известия о действиях холеры в прочих местах; разные наставления о том, какие должно жителям принимать предосторожности; известия о мерах, принимаемых правительством для отвращения заразы». Всего вышло 106 номеров. Последний — 6 января 1831 года.

«Здравствуй, душа моя, — писал Пушкин 29 сентября 1830 года Плетневу, — каково поживаешь, а я, окончا дела мои, еду в Москву сквозь целую цепь карантинов. Месяц буду в дороге по крайней мере. Месяц я здесь прожил, не видя ни души и не читая журналов...»

Сохранившееся до наших дней письмо Пушкина все истыкано иглой: на почте каждый конверт прокалывали в нескольких местах и окуривали серой «холерный дух».

Но всего этого Пушкин еще не знал, потому и письмо его от 30 сентября 1830 года, адресованное Наталье Гончаровой, написано иначе, нежели Петру Плетневу, несдержанное, с нагнетанием ужасов и страхов. Знал ведь, что письмо это прочтет и будущая его теща, поэтому и пишет, что «дела мои не закончены...», а Плетневу — «оконча дела мои, еду...»

Пушкин той же почтой отсылает письмо Наталье Николаевне: «Я уже почти готов

сесть в экипаж, хотя дела мои еще не закончены, и я совершенно пал духом. Вы очень добры, предсказывая мне задержку в Богородецке лишь на 6 дней. Мне только что сказали, что отсюда до Москвы устроено пять карантинов, и в каждом из них мне придется провести две недели, — подсчитайте-ка, а затем представьте себе, в каком я должен быть собачьем настроении. В довершение благополучия полил дождь и, разумеется, теперь не прекратится до санного пути. Если что и может меня утешить, то это мудрость, с которой проложены дороги отсюда до Москвы: представьте себе, насыпи с обеих, — ни канавы, ни стока для воды, отчего дорога ставится ящиком с грязью, — зато пешеходы идут со всеми удобствами по совершенно сухим дорожкам и смеются над увязшими экипажами. Будь проклят тот час, когда я решился расстаться с вами, чтобы ехать в эту чудную страну грязи, чумы и пожаров, — потому что другого мы здесь не видим... Наша свадьба точно бежит от меня; и эта чума с карантинами — не отвратительнейшая ли это насмешка, какую только могла придумать судьба? Мой ангел, ваша любовь — единственная вещь на свете, которая мешает мне повеситься на воротах моего печального замка... Не лишайте меня этой любви и верьте, что в ней все мое счастье. Позволяете ли вы обнять вас? Это не имеет никакого значения на расстоянии 500 верст и сквозь 5 карантинов. Карантины эти не выходят у меня из головы. Прощайте же, мой ангел...»

Письмо Н. Гончаровой из Болдино уйдет в один день вместе с письмом П. Плетневу, и тоже будет окурено почтмейстером. В доме Гончаровых письмо прочтут и поймут, что из-за карантина Пушкин сможет добраться до Москвы за семьдесят суток. Так, кстати, оно и вышло.

В тот же день, 30 сентября 1830 года, Пушкин отправился из Болдино в имение княгини Голицыной, чтобы, как писал поэт Н.Н. Гончаровой, «точнее узнать количество карантинов, кратчайшую дорогу и пр. Так как имение княгини расположено на большой дороге, она взялась разузнать все доподлинно».

Долгие годы в пушкиноведении не совсем было ясно, о какой княгине Голицыной идет речь. Занимаясь болдинской биографией поэта, директор музея-заповедника А.С. Пушкина в Болдине Ю.И. Левина попыталась уточнить эпизод, связанный с поездкой Пушкина 30 сентября 1830 года.

По архивным документам о землевладельцах Нижегородской губернии ей удалось установить, что в том же Лукояновском уезде, где числилось село Болдино, располагалось и наследственное имение князей Голицыных — одной из ветвей старинного и многочисленного русского рода.

На старых губернских (и поездных) картах по «большим столбовым дорогам» 1830-х годов можно увидеть, что через Арзамас и Лукоянов проходил большой почтовый тракт, соединявший Москву с Саранском и Пензой. Скорее всего, именно этот прямой путь на Москву и мог интересовать Пушкина в первую очередь, когда он пытался выяснить кратчайшую дорогу, расположение карантинов и возможность выезда из Нижегородской губернии.

Непосредственно на этом тракте, недалеко от «заштатного» города Починки, расположенного в двухста пяти верстах от Нижнего Новгорода, и находилось село «Рождественское, Пеля Хованская тож», принадлежавшее Голицыным. По сведениям экономических поездных описаний в конце XVIII века там уже стоял «господский деревянный дом» с фруктовым садом, обсаженным «преспектом», насчитывалось двести крестьянских дворов, имелись церковь «деревянная, рождества христова» и «казенной питейной дом».

В 1830-х годах владельцем села был князь Владимир Сергеевич Голицын, человек очень известный в обществе того времени. Участник Отечественной войны 1812 года, бывший флигель-адъютант Александра I, в 1820-х годах он воевал на Кавказе, дослужился до генерал-майора, тайного советника и сенатора. Для своего времени Голицын был человеком образованным и одаренным. Большой знаток и любитель музы-

ки, он не чуждался и литературы: в его доме устраивались музыкальные вечера, собирались артисты и литераторы. Ему принадлежали переводы на русский язык нескольких оперных либретто и музыка на слова татарской песни из поэмы Пушкина «Бахчисарайский фонтан»: «Дарует небо человеку...»

В.С. Голицын был хорошо знаком с поэтом. Летом 1830 года они встречались и беседовали о «Дон Жуане» Моцарта. Знал поэт и Прасковью Николаевну Голицыну, урожденную Матюшину.

«Завтра в восемь часов вечера, — сообщал ему Голицын в письме от 25 февраля 1831 года, — жена моя и я <...> ожидаю Вашего посещения с нетерпением...»

В 1830 году Прасковье Николаевне Голицыной было тридцать два года. В одной из своих работ пушкинист Ю.И. Левина высказал предположение, что, может быть, Прасковья Николаевна является той «княгиней Голицыной», которая еще до приезда Пушкина к ней в имение, как сказано в его письме, уже «взялась разузнать все доподлинно».

Первая попытка покинуть Болдин — «остров, окруженный скалами», как назвал его поэт в одном из писем Наталье Гончаровой, окончилась неудачно.

«Несколько мужиков с дубинами охраняли переправу через какую-то речку, — вспоминал Пушкин в рассказе «Холера». — Я стал расспрашивать их. Ни они, ни я хорошо не понимали, зачем они стояли тут с дубинами и с повелением никого непускать. Я доказывал им, что, вероятно, где-нибудь да учрежден карантин, что я не сегодня, так завтра на него наеду, и в доказательство предложил им серебряный рубль. Мужики со мной согласились, перевезли меня и пожелали многие лета».

Миновав первую заставу, Пушкин был задержан на следующей. И ему пришлось вернуться назад в Болдино. Решив, что лучше ехать «тише», но « дальше », Пушкин шлет губернатору Нижегородской губернии И.М. Бибикову письмо, в котором просит выдать ему «свидетельство» на проезд через цепь карантинов. А пока суд да дело, 11 октября 1830 года Пушкин пишет Наталье Гончаровой: «Въезд в Москву запрещен, и вот я заперт в Болдине...»

Поэт рассматривает географическую карту, висящую на стене, и шутливо замечает, «как бы дать крюку» и приехать в Москву через Кяхту или Архангельск.

Тем временем из Нижнего Новгорода приходит уведомление, что пропуск Пушкин может получить в Лукоянове. В Лукоянове Александр Сергеевич встретился с предводителем уездного дворянства по фамилии В.В. Ульянин. Но тот наотрез отказал поэту выдать пропуск на проезд, ссылаясь на то, что он назначен надзирателем за карантином своего округа. Более того, В.В. Ульянин предложил Пушкину должность инспектора над карантинами. Поэт отказался от предложения и написал нижегородскому губернатору жалобу на самоуправство лукояновского предводителя.

Пушкин делает еще одну попытку прорваться сквозь расставленные карантинные посты. И отправляется в Москву без пропуска. По скверным осенним дорогам Пушкин переезжает с востока на запад южную часть Нижегородской губернии. Но недалеко от Мурома Владимирской губернии, в Севастлийке, его экипаж остановили и потребовали «свидетельство» о том, что он едет не из зараженной местности. Пушкин возвращается в Лукоянов и требует от Ульянина выдать ему такое «свидетельство». Лукояновский предводитель неприступен. И поэт снова получает отказ. Позднее Пушкин встретил Ульянина в Английском клубе Петербурга, подошел к нему и с присущим ему сарказмом сказал: «Кажется, это вы меня так притесняли во время холеры?»

«В Болдине, все еще в Болдине! — писал Пушкин 18 ноября 1830 года Наталье Николаевне Гончаровой. — Выехав на большую дорогу, я увидел, что вы правы: 14 карантинов являются только аванпостами — а настоящих карантинов всего три. — Я храбро явился в первый (в Севастлийке, Владимирской губ.); смотритель требует по дорожную и заявляет, что задержит меня лишь на 6 дней. Потом заглядывает в подо-

рожную. — Вы не по казенной надобности изволите ехать? — Нет, по собственной, самонужнейшей...»

И тут выясняется, что Пушкину следует ехать по другому тракту, а этот уж три недели, как закрыт. Пушкин недоволен: «И эти свиньи губернаторы не дают этого знать?» Смотритель растроган, дескать, «мы не виноваты-с». Пушкину от этого не легче. И ему немного жаль бедного станционного смотрителя. За время путешествия по России Пушкин насмотрелся на бедных и бесправных станционных смотрителей, что дало ему обильный материал для повести с одноименным названием.

«Кто не проклинал станционных смотрителей, кто с ними не бравился? Кто, в минуту гнева, не требовал от них роковой книги, дабы вписать в оную свою бесполезную жалобу на притеснение, грубость и неисправность? Кто не почтает их извергами человеческого рода, равными покойным подъячим или, по крайней мере, муромским разбойникам?...» — так начинается известная повесть.

«...Нечего делать, — писал Александр Сергеевич в Москву Наталье Николаевне 18 ноября 1830 года, — еду назад в Лукоянов; требую свидетельства, что еду не из зачумленного места. Предводитель здешний не знает, может ли после поездки моей дать мне это свидетельство — я пишу губернатору, а сам в ожидании его ответа, свидетельства и новой подорожной сижу в Болдине да кисну». Пушкин с грустью замечает, что проездил таким образом 400 верст. И все хлопоты оказались напрасными.

О последней неудачной поездке Пушкин рассказал также и в письме издателю «Московского вестника» М.П. Погодину: «Я было опять к вам попытался: доехал до Севастийки (первого карантина). Но на заставе смотритель, увидев, что еду по собственной самонужнейшей надобности, меня не пустил и протурил назад в мое Болдино...»

Письмо Погодину оказалось последним посланием, отправленным из Болдино. На почтовом штемпеле отметка: «Лукоянов 1830 дек. 2».

Накануне князь Петр Иванович Шаликов, редактор «Московских Ведомостей», известили Пушкина, что «холера затихает». «Вот первое хорошее известие, дошедшее до меня за три последних месяца», — замечает поэт.

Следующее хорошее известие Пушкин получил из Нижнего Новгорода: почтальон, которого поэт ругает за перепутанные письма, наконец принес ему пакет от губернатора, а в нем было долгожданное свидетельство на проезд из Болдино в Москву.

«...несчастный зачумленный нижегородец», как называл себя Пушкин в одном из писем Е.М. Хитрово, дочери М.И. Кутузова, благополучно проехал все посты, хотя и с карантинными задержками, за семь суток.

Пятого декабря 1830 года Пушкин приехал в Москву, где его ждала еще одна хорошая новость: холера не тронула его друзей, его семью и семью Н.Н. Гончаровой. В дорожном сундучке поэта лежали несколько больших тетрадей и стопы бумаг, которые он исписал за месяцы болдинского заточения.

В Болдине Пушкин написал тридцать два стихотворения, «Повести покойного Ивана Петровича Белкина», «Маленькие трагедии», «Сказку о попе и работнике его Балде», несколько публицистических статей о состоянии критики для «Литературной газеты» Антона Дельвига. Наконец, в Болдине, в карантине, Александр Сергеевич дописал заключительные главы романа в стихах «Евгений Онегин», который критик В.Г. Белинский назвал «энциклопедией русской жизни».

